

— Вовсе нет, старший брат Цзыфэн понапрасну беспокоится.

Члены Клана Ван переглянулись. Второй молодой господин Ван Сы с любопытством разглядывал Тан Шэня, словно пытаясь понять, что же это за человек такой, раз ухитряется так хорошо ладить с Ван Цзыфэном и до сих пор не съеден им живьем.

Допив чай, Ван Чжэнь предложил Тан Шэню остаться на ночлег в резиденции, и Тан Шэнь не стал отказываться.

Выходя из главной залы, Тан Шэнь мельком бросил взгляд в сторону задних комнат. Оттуда донесся тихий женский шепот:

— Ах, неужели он нас заметил?

Тан Шэнь молча лишился слов.

Уж больно странные эти люди из Клана Ван из Ланъя!

Помыслы богачей и впрямь неисповедимы!

Тан Шэнь прошел в дворик, приготовленный специально для него, немного освежился и собрался улечься спать. Покои женской половины семьи располагались отдельно, в задней части усадьбы, а Тан Шэнь вместе с пока не женившимися молодыми господами вроде Ван Чжэня ночевал в передней части двора.

Стоит признать, что даже дворик для гостей у Клана Ван отличался изысканной красотой: пруд, живописные камни — каждый уголок радовал глаз. За сегодня Тан Шэнь сбежал из управы Гусу в управу Цзиньлин и безумно устал, поэтому стоило ему смежить веки, как он тут же крепко заснул.

Однако среди ночи он внезапно проснулся в холодном поту.

С улицы доносился какой-то шорох — едва различимый, но странный, проникающий в самое сердце.

Тан Шэнь распахнул окно. За окном простиралась непроглядная тьма, с неба валили крупные хлопья снега. Касаясь глади пруда, они бесшумно таяли.

Сердце отозвалось внезапной болью. Перед глазами всплыл день трехлетней давности. Тогда тоже шел снегопад. Тан Шэнь бежал по сугробам, отчаянно пытаясь догнать Лян Суна. Но тот, не оборачиваясь, шаг за шагом растворялся в белой пелене, оставив после себя лишь решительный силуэт уходящей спины.

Тан Шэнь долго стоял у окна в оцепенении. Лишь проведя рукой по щеке, он понял, что лицо его мокро от слез.

Накинув одежду, Тан Шэнь вышел наружу и принялся бродить по двору.

Под белым покровом падающего снега Тан Шэнь с зонтом в руках обошел пруд по кругу. Углубившись в слившуюся со снегопадом мейхуановую рощу, он сам не заметил, как заблудился. Тан Шэнь мысленно выругался: глухая ночь, куда идти — непонятно, не ждать же утра, когда его кто-нибудь найдет? За это время недолго и насмерть замерзнуть.

Знать бы заранее, не стал бы выходить среди ночи на прогулку.

Он блуждал еще некоторое время, как вдруг за спиной раздался тихий вздох:

— Разве тебе не холодно?

Тан Шэнь растерянно обернулся. Не успел он толком разглядеть лицо Ван Цзыфэна, как на его плечи опустилось теплое лисье пальто. Живое тепло и знакомый запах в мгновение ока прогнали стягивавший конечности холод. Тан Шэнь ошеломленно воззвал к Ван Чжэню, тихо пробормотав:

— Старший брат... — В его голосе звучало виноватое осознание своей оплошности.

— Всё-таки понимаешь, что виноват?

Тан Шэнь потер нос. И впрямь, блуждать глубокой ночью по чужому поместью вместо сна — полнейшая бестактность.

— Старший брат, а ты почему здесь?

— А ты почему?

— Не спалось.

— Что ж, у меня тоже бессонница.

Тан Шэнь промолчал.

В словах Ван Цзыфэна нельзя верить ни единому слову!

— Отсюда ближе к моему дворику. Снегопад усилился, пойдем переждем у меня.

Только сейчас Тан Шэнь заметил: отдав свое пальто, Ван Чжэнь остался на морозе, и его пальцы слегка покраснели от холода. Губы Тан Шэня дернулись, но он так и не нашел, что сказать. В этот заснеженный лунный вечер Ван Цзыфэн, облаченный во всё черное, выглядел благородно и вместе с тем отстраненно-холодно. Но вдруг он повернулся к нему и тихо позвал:

— Младший брат?

— Хорошо.

От автора: Стихотворение, «посвященное Клану Ван из Ланъя», на самом деле написано о саде Чжочжэньюань.

Пройдя от мейхуановой рощи вдоль пруда несколько десятков шагов, они вышли на открытое пространство и очутились в дворике Ван Чжэня.

Ван Чжэнь жил в самом уединенном, западном крыле поместья. Дальше к западу тянулась тихая бамбуковая роща, за которой проступали туманные очертания реки Циньхуай. Пока они шли, снегопад все усиливался, и когда они добрались до покоев Ван Чжэня, плечи обоих уже покрывал слой снега.

Зонт совершенно не защищал от летящего со всех сторон снега: волосы Тан Шэня припорошило снегом, как и у Ван Чжэня.

Двое «поседевших» молодых людей сложили зонт и шагнули в дом, где сразу ощутили

благодатное тепло. Посреди комнаты алели угли в жаровне, постепенно разгоняя выстудивший Тан Шэнь холод. Стояла глубокая ночь, и вода в чайнике успела остыть. Ван Чжэнь поставил чайник на жаровню через тонкую металлическую сетку.

— Слуги в такой час уже спят, так что, младший брат, придется довольствоваться тем, что есть.

Тан Шэнь подумал: «Слуги-то спят, а ты почему не спишь?»

Впрочем, вслух он этого не произнес. Покорно приняв из рук Ван Чжэня пиалу с горячей водой, он сделал глоток, и всё его тело наконец наполнилось приятным теплом.

Сидя на мягкой подушке с чашкой в руках, Тан Шэнь осторожно оглядывал комнату.

Это была спальня Ван Чжэня.

Днем, придя в этот дворик, Тан Шэнь заходил только в кабинет Ван Чжэня и в спальню не заглядывал. Теперь же он видел, что убранство здесь чрезвычайно скромное: кушетка-луохань да полка с несколькими горшками безымянных полевых цветов. На стене висели три картины с изображением «трех друзей зимы» — сосны, бамбука и сливы. В углу каждого свитка стояла подпись: «Ван Цзыфэн».

Спальня дышала изысканной простотой. Тан Шэнь не знал, обустроена ли спальня Ван Чжэня в Резиденции министра в Шэнцзине так же лаконично. Впрочем, подумав, он решил, что Ван Цзыфэн — человек со скрытным и непроницаемым характером. В его кабинете всегда царит роскошь, всё уставлено антиквариатом и увешано каллиграфией, а вот спать он вполне может и в такой скромной обстановке.

Пока Тан Шэнь украдкой разглядывал покой, Ван Чжэнь спросил:

— Что привело тебя сегодня в Цзиньлин?

Тан Шэнь ненадолго замялся, решив не признаваться, что бежал сюда от сватовства.

— Я вернулся на Новый год в управу Гусу, ты ведь знаешь, старший брат. Вот и выдалось свободное время, захотелось съездить в Цзиньлин. Я веду дела с Семей Чжэн из Цзиньлина, поэтому наведалься в Павильон Цзиньсю и случайно заметил там каллиграфию с твоей подписью. «Дымкой туманной окутан затон, лунный свет озаряет песок...» И помыслить не мог, что эти строки написаны твоей рукой.

Тан Шэнь говорил с искренним изумлением. Кто бы мог подумать, что судьба сводила их с Ван Чжэнем даже в этом.

Ван Чжэнь же спокойно возразил:

— А вот я давно знал, что стихи твои.

Тан Шэнь опешил.

— Забыл? Когда учитель впервые официально представил нас друг другу, я спросил тебя, какова следующая строка после «Дымкой туманной окутана затон, лунный свет озаряет песок».

Тан Шэнь просиял от озарения:

— А я-то думал, ты родом из Цзиньлина и бывал в Павильоне Цзиньсю, оттого и запомнил строку! Оказывается, вот оно что!

Ван Чжэнь поправил рукав и поднял чайник:

— Чашку.

Тан Шэнь, не задумываясь, покорно протянул пиалу, позволив Ван Чжэню налить себе чаю.

— Старший брат, ты часто приезжаешь в Цзиньлин на Новый год? Помнится, в прошлом году тебя не было.

Ван Чжэнь сделал небольшой глоток:

— Приезжаю редко, лишь изредка выпадает случай.

— А когда ты возвращаешься в Шэнцзин?

— Завтра.

— Так скоро? — удивленно воскликнул Тан Шэнь.

Ван Чжэнь мягко улыбнулся:

— Прибудь ты днем позже, уже не застал бы меня в Цзиньлине. У Финансового приказа много дел. Хотя чиновникам положен отпуск до семнадцатого дня первого месяца, мне приходится возвращаться раньше.

— Какое же удачное совпадение.

Тан Шэнь приоткрыл окно и взглянул на улицу. Снег валил еще сильнее, огромные хлопья кружились в воздухе, и куда ни глянь — всё утопало в белизне. Вернуться к себе сейчас было невозможно, оставалось только ждать в комнате. Он вздохнул:

— Знать бы заранее, не стал бы выходить среди ночи на прогулку. И к тому же попался тебе на глаза, старший брат.

Ван Чжэнь вдруг произнес:

— Гляжу, у тебя хорошее настроение, младший брат?

Тан Шэнь поднял глаза.

Ван Чжэнь улыбнулся:

— Этим вечером ты куда разговорчивее, чем обычно.

Тан Шэнь нахмурился, раздумывая над его словами, и только теперь осознал, что и впрямь вел себя необычно.

Нынче ночью ему приснился кошмар. Проснувшись, он не мог вспомнить подробностей, но чувствовал глубокую, разрывающую душу грусть. Распахнув окно, он увидел снегопад, и хлопья снега мгновенно напомнили о дне трехлетней давности, когда уходил Лян Сун — тогда стояла точно такая же метель. На душе было до того пусто, что он не смог уснуть и отправился

блуждать по саду. А там встретил Ван Чжэня.

Сперва им действительно владели тоска и уныние, но придя в эту комнату с Ван Чжэнем и выпив горячего чаю за неспешной беседой, он постепенно оправился от печали.

Неужели Ван Чжэнь заметил его подавленность и специально привел сюда, чтобы утешить?

Смешанные чувства переполнили сердце Тан Шэня. Его взгляд на Ван Чжэня моментально изменился, и он искренне произнес:

— Спасибо тебе, старший брат.

Ван Чжэнь:

— ...?

<http://bllate.org/book/18292/1754564>